ботанным языком и не сумевший преодолеть силлабическую систему стихосложения. В то же время Ломоносов и его ученик Н. Н. Поповский, неоднократно осмеянные самим Сумароковым и его сторонниками за плебейское происхождение, в статье «О стопосложении» противопоставлены упадку поэзии в 1770-е гг.: «Ломоносова и Поповского нет, а других стихотворений мне неизвестно.[19] Сложившееся еще при жизни писателей и ставшее с тех пор общим местом представление о полном антагонизме Сумарокова и Ломоносова по литературным вопросам несправедливо.[20]

На взглядах Сумарокова имело смысл остановиться несколько подробнее также потому, что из трех реформаторов литературы его имя сделала своим знаменем численно самая значительная группа писателей, получившая известность под названием сумароковской школы. По преимуществу это участники «Трудолюбивой пчелы», журналов Кадетского корпуса, московских изданий М. М. Хераскова. Никакой формальной организации они не имели. Однако их творчество отличает единообразие, даже внешне отражавшее идейную сплоченность, которая и позволила им выступить в качестве серьезной общественной силы во время екатерининского переворота. Поддержав идейно (и практически) переворот, «сумароковская школа» как бы материализовала отвлеченную идею практической пользы изящной литературы. Это молодое поколение писателей по-своему истолковало идеи своего учителя. Представление об этом дают принципиальные литературные споры, сопровождавшие их первые выступления.

В литературных декларациях 1740-х гг. подчеркивался утилитарный характер литературы, ее принадлежность к сфере просвещения или обсуждались чисто технические вопросы (например, в «Одах парафрастических» Тредиаковского, Сумарокова и Ломоносова). Но уже полемика следующего десятилетия во многом обусловила разное понимание писателями конкретной, сиюминутной функции литературы в жизни русского общества. В рукописной полемике 1753 г. за перебранкой, отразившей личные отношения и групповые пристрастия ее участников, вырисовывался общий предмет спора: вопрос о литературной сатире. Выступив с осуждением «петиметров» как явления дворянского быта, Елагин объявил обличение первой обязанностью поэзии, назвав Музу «ненавистницей всех в обществе пороков». Насмешки посыпались на амбицию молодого литератора исправлять общественные недостатки, в то время как предмет его сатиры являлся незначительным. П. Н. Берков, внимательно изучивший отклики на «Сатиру на петиметра», пришел к выводу, что и Ломоносов, и Сумароков равно рассматривали этот спор как «проблему общественную».[21] Однако, решая ее, сторонники Сумаро-

---

[19] *Сумароков А. П.* Стихотворения. Л., 1935, с. 378—379, 390.

[20] Полемику с подобным мнением см.: *Кулакова Л. И.* Очерки истории русской эстетической мысли XVIII в. Л., 1968, с. 69—79, 98.

[21] *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика, с. 119—129.